DK179
.F8

Sud'ba Nakaza imperatritsy
Ekateriny Vtoroĭ vo Frantsii.

F.V. Taranovskiĭ

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK179
.F8

NOV - 1 1973

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/sudbanakazaimper00tara

237901/68

Ѳ. В. ТАРАНОВСКІЙ

MC DK 179 .F8

СУДЬБА НАКАЗА
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ
ВО ФРАНЦІИ.

Изъ «Журнала Министерства Юстиціи»
(Январь 1912 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская типографія
1912.

Годъ въ 1912 году восемнадцатый

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1912 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству Министерства Юстиціи; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражданскаго и Уголовнаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библіографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи и изъ Парижа.

Въ книгахъ «Журнала» за 1911 годъ, между прочимъ, были напечатаны слѣдующія статьи, сообщенія и замѣтки.

Международная конференція въ Гаагѣ для подготовленія единообразныхъ нормъ вексельнаго права. **К. В. Шнейдера.**—Новѣйшее финляндское законодательство объ арендѣ земли. **Э. А. Эрштрема.**—Прокуроръ въ гражданскомъ судѣ. **А. Г. Зуева.**—Пріобрѣтеніе имущественныхъ правъ въ крестьянскомъ быту. **П. С. Цыпкина.**—Двухсотлѣтіе Правительствующаго Сената. Бар. **А. Э. Нольде.**—Памяти В. И. Сергѣевича. **В. Н. Латкина.**—О семейной собственности у крестьянъ. **Б. С. Мартынова.**—Итоги международнаго тюремнаго конгресса въ Вашингтонѣ. **П. И. Люблинскаго.**—Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ.—Правительствующій Сенатъ въ XVIII столѣтіи. **А. Е. Пѣснякова.**—Правительствующій Сенатъ въ XIX столѣтіи. Бар. **А. Э. Нольде.**—О геральдическихъ знаменахъ въ связи съ вопросомъ о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи. **Ю. В. Арсеньева.**—Предполагаемое отдѣленіе перевозочныхъ операцій желѣзныхъ дорогъ отъ операцій по храненію грузовъ. **К. П. Змирлова.**—Причиненіе смерти, увѣчья и ранъ въ дракѣ. **А. А. Щипилло.**—Межевые законы и землеустройство. **И. С. Мечинскаго.**—Георгъ Іеллинекъ и его значеніе въ наукѣ государственнаго права. **Н. И. Паліенко.**—Наслѣдованіе супруговъ по русскому праву, въ связи съ проектомъ гражданскаго уложенія. **Н. Н. Товстолѣса.**—Поворотъ исполненія по отмѣненному рѣшенію. **А. Н. Бутовскаго.**—Проектъ вотчиннаго устава и мобилизація недвижимости. Бар. **А. Фрейтагъ-Лорингoвена.**—Система государственныхъ преступленій въ уложеніи Царя Алексѣя Михаиловича. **Г. Г. Тельберга.**—Статистика наказаній, наложенныхъ по судебнымъ приговорамъ. **Е. Н. Тарновскаго.**—Люцернскій законъ объ условномъ осужденіи. **А. А. Піонтковскаго.**—Объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства вообще, а въ особенности нотаріусовъ, за нарушенія устава о гербовомъ сборѣ. **А. Э. Бардзкаго.**—О наслѣ-

Tarnovskii

Ѳ. В. ТАРАНОВСКІЙ

Глубокоуважаемому
Александру Никитичу
Филиппову
отъ автора.

SUD'BA NAKAZA

СУДЬБА НАКАЗА

IMPERATRITSY EKATERINY VTOROI

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

VO FRANTSII

ВО ФРАНЦІИ.

Изъ «Журнала Министерства Юстиціи»
(Январь 1912 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская типографія
1912

СУДЬБА НАКАЗА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ВО ФРАНЦІИ.

Θ. В. Тарановскаго.

Pro captu lectoris habent sua fata libelli.

Наказъ Императрицы Екатерины II представляетъ собою плодъ и образецъ французскаго вліянія на русскую мысль во второй половинѣ XVIII столѣтія. Новѣйшій изслѣдователь „французской культуры въ Россіи“ не безъ основанія относитъ Наказъ къ числу трофеевъ „французскаго завоеванія“ [1]). Приспособленіе политическихъ и правовыхъ идей французскаго „просвѣщенія“ къ русской государственности — такова была та задача, изъ рамокъ которой не вышелъ вѣнценосный авторъ Наказа. При такомъ положеніи дѣла самый вопросъ о судьбѣ Наказа во Франціи можетъ вызвать недоумѣніе. Наказъ самъ по себѣ является однимъ изъ эпизодовъ судьбы французскихъ политическихъ идей въ Россіи. Какова же послѣ этого могла быть судьба во Франціи этого своеобразнаго отраженія французской же мысли? О какомъ либо значеніи Наказа для политической жизни Франціи, очевидно, не могло быть рѣчи. Когда Наказъ былъ полученъ и прочтенъ во Франціи, тамъ только и могли сдѣлать, что при-

[1]) Émile Haumant, La culture française en Russie (1700—1900), Paris, 1910, livre II: La conquête française (1725—1789), chap. XI, pag. 132—133.

нять его къ свѣдѣнію, какъ новое доказательство широчайшаго распространенія французскаго культурнаго вліянія на чужія и отдаленныя страны. Могли еще прибавить отъ избытка врожденной галантности нѣсколько истинно-галльскихъ комплиментовъ по адресу сѣверной Семирамиды. Этимъ должна была исчерпываться оффиціальная реакція общественнаго мнѣнія Франціи. Само собою разумѣется, что частные отзывы личныхъ знакомыхъ и корреспондентовъ Императрицы Екатерины II при этомъ не идутъ въ счетъ. Наказъ явился для Франціи предметомъ своеобразнаго обратнаго ввоза и потому не могъ имѣть никакого значенія для французской общественной жизни. Таково предположеніе, которое первымъ приходитъ въ голову по вопросу о судьбѣ Наказа во Франціи.

Идя, однако, дальше по пути размышленія, легко найти соображенія въ пользу противоположнаго предположенія,— что проникновеніе Наказа во Францію оказалось не безъ значенія для политической жизни этой страны. Наказъ воспроизводилъ политическія идеи Монтескье, которыя вообще были либеральными, а примѣнительно къ монархіи, слѣдовательно, и къ Франціи, предостерегали единоличную абсолютную власть отъ угрожающаго ей вырожденія въ деспотизмъ и требовали строгаго соблюденія принципа законности правленія. Воспроизводила эти идеи повелительница обширнѣйшей имперіи, которая издавна пользовалась извѣстностью по прочности и неограниченности въ ней государевой власти. Естественно было ожидать, что, если въ первоисточникѣ, т. е. въ ученіи Монтескье о законномѣрной монархіи, были какія нибудь болѣе рѣзкія черты, которыя могли внушать опасеніе представителямъ и сторонникамъ монархическаго принципа, то всѣ онѣ должны были сгладиться и исчезнуть въ обработкѣ русской Императрицы. Наказъ содержалъ въ себѣ ученіе о законномѣрной монархіи, собственноручно исправленное представительницей монархической власти и преподанное ею собственнымъ подданнымъ. Разсѣивались такимъ образомъ всякія опасенія, и имѣлось достаточное основаніе видѣть въ этомъ ученіи только полезную для монарховъ программу упорядоченія правленія на началахъ законности. Такое

упорядоченіе несомнѣнно составляло настоятельную нужду французской государственной жизни, которая въ это время переживала тяжелый внутренній кризисъ. Наказомъ могли заинтересоваться во Франціи и воспользоваться имъ, какъ программой, и правительство, и та часть оппозиціи, которая оставалась монархической и традиціонно лояльной.

Отъ предположеній обратимся къ фактамъ. Общеизвѣстно, что Наказъ Императрицы Екатерины II былъ подвергнутъ во Франціи цензурному запрету по распоряженію канцлера. Такимъ образомъ отпадаетъ предположеніе о практическомъ использованіи Наказа со стороны французскаго правительства. Остается однако открытымъ вопросъ объ отношеніи къ Наказу монархически настроенной и традиціонно лояльной оппозиціи. Дѣятельными представителями послѣдней являлись парламенты съ Парижскимъ во главѣ. Насколько знаемъ, до сихъ поръ въ русской исторической литературѣ ничего неизвѣстно объ отношеніи французскихъ парламентаріевъ къ Наказу Императрицы Екатерины II. При изученіи парламентской догмы положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ мы натолкнулись на несомнѣнныя данныя о томъ, что французскіе парламентаріи не только живо заинтересовались Наказомъ Императрицы Екатерины II, но и пользовались имъ для построенія и подкрѣпленія своихъ конструкцій законномѣрной монархіи [1]).

Цѣль настоящей статьи заключается въ томъ, чтобы познакомить читателей съ судьбой Наказа Императрицы Екатерины II въ средѣ французскихъ парламентаріевъ. Но, прежде чѣмъ войти in medias res фактической стороны дѣла, считаемъ необходимымъ остановиться на предварительномъ вопросѣ о томъ, какъ создалось то сродство политико-правовыхъ идей Наказа и парламентской публичноправной догмы, которое дало возможность французскимъ парламентаріямъ использовать доктрину русской Императрицы въ качествѣ подходящаго матеріала для своихъ построеній.

---

[1]) См. наше изслѣдованіе: *Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ*, Юрьевъ, 1911 г., стр. 248 текстъ и прим. 2-ое.

Ближайшее сродство политической доктрины Наказа съ публичноправной догмой французскихъ парламентовъ обусловливалось не прямымъ заимствованіемъ изъ *Духа законовъ* Монтескье, какъ этого можно было бы ожидать, а какъ разъ наоборотъ,—тѣмъ принципіальнымъ отступленіемъ, которое сдѣлала Императрица отъ своего „молитвенника".

Въ спеціальной статьѣ, посвященной изслѣдованію политической доктрины Наказа [1]), мы показали, что принципіальное расхожденіе Императрицы Екатерины II съ ея первоисточникомъ сказалось въ ученіи о „посредствующихъ властяхъ" (pouvoirs intermédiaires). Монтескье признавалъ „посредствующей властью" въ монархіи сословія, преимущественно дворянство, въ политическихъ привилегіяхъ, т. е. въ субъективныхъ публичныхъ правахъ котораго онъ видѣлъ основной законъ монархіи и противовѣсъ единоличной власти государя. Такимъ образомъ Монтескье понималъ законом'рную монархію какъ монархію сословную. Императрица Екатерина II выработала свою концепцію законом'рной монархіи, отличную отъ Монтескье. Признаніе и развитіе сословнаго строя казалось ей, правда, не только необходимымъ, но и желательнымъ въ „подзаконномъ" государствѣ. Но желательность и необходимость сословнаго строя никогда не доходили въ глазахъ Екатерины II до степени признанія сословныхъ привилегій основнымъ закономъ, и дворянства—„посредствующей властью". Къ такому воззрѣнію не могли склонить Императрицу ни идейный авторитетъ Монтескье, ни реальныя условія русской государственности ближайшаго къ ней времени. Подъ послѣдними мы разумѣемъ то начало *дворяновластія* [2]), которое не только фактически установилось при Елизаветѣ Петровнѣ, но и проявило при слѣдующемъ царствованіи стремленіе къ возведенію сословныхъ привилегій на степень основного закона монархіи. Стремленіе это нашло себѣ весьма недвумыслен-

---

[1]) *Политическая доктрина въ Наказѣ Императрицы Екатерины II*, въ „Сборникѣ статей по исторіи права", посвящ. М. Ф. Владимірскому-Буданову. Кіевъ, 1904 г., см. особенно стр. 49—50, 67—68, 70—73, 80—81, 84.

[2]) Пользуемся выраженіемъ В. О. Ключевскаго,—Курсъ русской исторіи, часть IV, Москва, 1910 г., стр. 449.

ное выраженіе въ манифестѣ 18 февраля 1762 г. о дарованіи вольности и свободы всему Россійскому дворянству. „Но, какъ Мы“,—гласитъ послѣдняя статья манифеста,—„сіе Наше Всемилостивѣйшее учрежденіе всему благородному Дворянству, на вѣчныя времена фундаментальнымъ и непремѣннымъ правиломъ узаконяемъ; то въ заключеніе сего Мы, Нашимъ Императорскимъ словомъ, найторжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, на всегда сіе свято и ненарушимо содержать въ постановленной силѣ и преимуществахъ, и ниже послѣдующіе по Насъ законные Наши Наслѣдники въ отмѣну сего въ чемъ либо поступить могутъ, ибо сохраненіе сего Нашего узаконенія будетъ имъ непоколебимымъ утвержденіемъ Самодержавнаго Всероссійскаго Престола“. Въ Наказѣ Императрицы Екатерины II мы не находимъ подобнаго признанія сословныхъ привилегій дворянства основнымъ закономъ монархіи. Сословныя различія разсматриваются въ немъ какъ слѣдствіе фактической дифференціаціи общественныхъ и государственныхъ функцій населенія (ст. 358—360, 250). Различія эти отнюдь не составляютъ необходимой юридической предпосылки для закономѣрной монархіи. Напротивъ того, нормировка ихъ является предметомъ законодательнаго воздѣйствія со стороны государя (ст. 361—362, 377, 252—254, 260—263), который, очевидно, руководится при этомъ не лежащими внѣ его власти началами сословнаго строя, а свойственнымъ монархіи стремленіемъ „къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра“ (ст. 13). Сообразно этому и „преимущества дворянскія“ упоминаются въ Наказѣ не въ связи съ „существомъ правленія“, а въ связи съ „существомъ дворянскаго званія“ (ст. 375; сравн. ст. 18). Существо же послѣдняго полагается въ „добродѣтели съ заслугою“, которыя возводятъ людей на степень дворянства (ст. 363). Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что добродѣтель подраздѣляется авторомъ Наказа на гражданскую и военную и явно отождествляется съ государственной службой (ст. 368). Въ сферѣ государственной службы локализуетъ Императрица Екатерина II и „власти среднія“, составляющія „существо правленія“. При этомъ значеніе „посредствующей власти“ закрѣпляется не за

дворянствомъ, которое представляетъ собою подвижные кадры для пополненія личнаго состава служащихъ, а за постоянными учрежденіями, которыя слагаются въ порядкѣ государственной службы. „Законы, основаніе державы составляющіе (les lois fondamentales d'un Etat), „предполагаютъ“,—гласитъ ст. 20-ая Наказа,—„малые протоки, сирѣчь правительства (des Tribunaux), чрезъ которые изливается власть Государева“. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ подъ общимъ именемъ „правительствъ“ разумѣются „Сенатъ, коллегіи и нижнія правительства“, которые „премудро учредилъ“ Петръ Великій (ст. 99-ая Наказа). Такимъ образомъ ясно, что въ своей теоріи законом'ѣрной монархіи Императрица Екатерина II перешагнула черезъ „дворяновластіе“ ближайшаго къ ней времени и возвратилась къ строгому бюрократическому укладу эпохи Петра Великаго.

Замѣна въ Наказѣ сословной монархіи бюрократическою повлекла за собою существенное измѣненіе и въ институтѣ охраны законовъ, столь важномъ для конституированія законом'ѣрной монархіи. Монтескье относитъ къ основнымъ законамъ сословныя привилегіи дворянства, образующаго, какъ извѣстно, „посредствующую власть“. Поэтому храненіе законовъ онъ ввѣряетъ особымъ „политическимъ корпораціямъ“ (corps politiques), подразумѣвая подъ ними французскіе парламенты, достаточно самостоятельные какъ по отношенію къ правительству, такъ и по отношенію къ сословіямъ. Институты посредствующихъ властей и охраны законовъ выступаютъ такимъ образомъ раздѣльно,—на ряду другъ съ другомъ. „Недостаточно“,—говоритъ Монтескье,— „чтобы въ монархіи были посредствующія состоянія (des rangs intermédiaires); надобно еще хранилище законовъ“ (*Духъ законовъ*, кн. II, гл. IV, абз. 10). Въ Наказѣ Императрицы Екатерины II существо основныхъ законовъ сводится къ упорядоченной организаціи подчиненнаго управленія (ст. 20), и институтъ охраны законовъ сливается съ институтомъ „среднихъ властей“ (ст. 20 и 21). Только во французскомъ текстѣ Наказа (ст. 23) храненіе законовъ локализуется въ „политическихъ корпораціяхъ“ (corps politiques); въ русскомъ же текстѣ „политическія кор-

порацiи“ превращаются въ „государственныя правительства“, подъ каковыми разумѣются для Россiи Сенатъ и „другiя правительства“ (ст. 26 и 27), т. е. тѣ же „малые протоки“, или „власти среднiя“ согласно воззрѣнiямъ Императрицы.

На той же почвѣ ученiя о „посредствующихъ властяхъ“ въ закономѣрной монархiи расходилась съ Монтескье парламентская публичноправовая догма, или, вѣрнѣе,—разошелся съ послѣдней Монтескье. По происхожденiю, профессiональной выучкѣ и служебной дѣятельности Монтескье принадлежалъ къ парламентарiямъ, и потому хорошо былъ знакомъ съ традицiонной догматической конструкцiей закономѣрной монархiи, созданной „юриспруденцiей“ французскихъ парламентовъ. Эта конструкцiя и легла въ основу ученiя о „законахъ въ ихъ отношенiи къ природѣ монархическаго правленiя“ (*Духъ законовъ*, кн. II, гл. 4), но подверглась при этомъ измѣненiю подъ вляniемъ ученiя объ историческихъ правахъ дворянства, которое Монтескье воспринялъ отъ Буленвилье и сочеталъ съ парламентской догмой [1]).

Насъ занимаетъ спецiальный вопросъ о томъ, какимъ образомъ общее расхожденiе съ Монтескье послужило основанiемъ къ сближенiю между публичноправной догмой французскихъ парламентовъ и политической доктриной Наказа Императрицы Екатерины II. Въ виду этого мы оставимъ въ сторонѣ общiй вопросъ объ отношенiи Монтескье къ парламентской публичноправовой догмѣ и ограничимся разсмотрѣнiемъ лишь тѣхъ пунктовъ послѣдней, въ которыхъ она отличается отъ соотвѣтственныхъ построенiй *Духа законовъ*.

Центръ тяжести парламентской конструкцiи закономѣрной монархiи лежалъ въ институтѣ охраны законовъ. Храненiе законовъ признавалось неотъемлемой функцiей парламентовъ, которые смотрѣли на себя какъ на историческiя корпорацiи магистратуры, облеченныя не только профессiональнымъ, но и политическимъ значенiемъ. Право регистрацiи

---

[1]) Отношенiе Монтескье къ публичноправной догмѣ парламентовъ выясняется подробно въ изслѣдованiи нашемъ: *Догматика положительнаго государственнаго права во Францiи при старомъ порядкѣ*, Юрьевъ, 1911 г.; см. стр. 490—500, 536—554.

(droit d'enregistrement) и право представленій (droit de remontrances), эти существенные аттрибуты охраны законности, превращали парламенты въ ихъ собственныхъ глазахъ въ естественныхъ и независимыхъ посредниковъ между королемъ и народомъ. Въ этомъ своемъ качествѣ парламенты противополагали себя правительству, какъ зависимому орудію королевской власти. Въ политическомъ строѣ законом'рной монархіи парламенты отводили себѣ мѣсто юридически необходимаго звена между королемъ и народомъ, приписывали себѣ значеніе правовой сдержки единоличной власти государя, почитали себя за представителей не только сословныхъ привилегій, но и интересовъ націи въ цѣломъ. Сообразно этому въ ряду основныхъ законовъ монархіи выдвигалось парламентами на первый планъ ихъ собственное право свободнаго испытанія и самостоятельной регистраціи королевскихъ ордонансовъ; сословныя привилегіи получали при этомъ значеніе конститутивныхъ элементовъ второго порядка. Когда Монтескье развилъ свою геніальную идею „посредствующихъ властей", парламенты обрѣли въ ней какъ разъ то слово, которымъ должно было опредѣляться ихъ собственное положеніе въ политическомъ строѣ законом'рной монархіи. Они, само собою разумѣется, отвергли мысль о признаніи дворянства „посредствующей властью", какъ явное нарушеніе традиціонной догмы, и признали самихъ себя тѣми „посредствующими каналами", которые необходимо предполагаются въ силу основныхъ законовъ и по которымъ течетъ власть государева. Такимъ образомъ „посредствующія власти" и „хранилище законовъ" сливаются въ парламентской публичноправовой догмѣ въ одинъ институтъ.

Мы нашли общую почву, на которой публичноправовая догма французскихъ парламентовъ сходилась съ политической доктриной Императрицы Екатерины II. Сближало и объединяло ихъ отрицаніе характера „посредствующей власти" за дворянствомъ и признаніе этого качества за тѣми же учрежденіями, на которыя возлагалась функція охраны законовъ. Строго говоря, это сближеніе и объединеніе не могло быть по существу полнымъ и безусловнымъ. Вѣдь „государствен-

ныя правительства", которыя, по мысли Императрицы Екатерины II, должны были служить въ Россіи и „средними властями", и „хранилищемъ законовъ", были далеко не тѣми и даже совсѣмъ не тѣми учрежденіями, какими являлись французскіе парламенты. „Сенатъ, коллегіи и нижнія правительства", которыя „премудро учредилъ" Петръ Великій, представляли собою бюрократическія учрежденія правительственной организаціи, между тѣмъ какъ французскіе парламенты образовали исторически самостоятельныя корпораціи независимой магистратуры, которыя имѣли основаніе противопоставлять себя бюрократическому правительству. Разница была большая. Не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что Екатерининскія „правительства" не въ силахъ были стать противовѣсомъ единоличной власти государя и не въ состояніи были создать изъ охраны законовъ сколько нибудь дѣйствительную преграду возможному произволу законодателя. Но французскіе парламентаріи всего этого не знали, потому что совершенно не были знакомы съ дѣйствительными условіями русской политической жизни. Къ тому же они читали не русскій, а французскій текстъ Наказа. Въ послѣднемъ „государственныя правительства" именовались то „политическими корпораціями" (les corps politiques—ст. 23), то „трибуналами" (des tribunaux—ст. 20, 21, 27), т. е. какъ разъ тѣми терминами, которые прилагались во Франціи къ парламентамъ. Встрѣчая привычные термины, французскіе парламентаріи понимали ихъ, само собою разумѣется, въ привычномъ для нихъ смыслѣ и, очевидно, были весьма довольны тѣмъ, что русская Императрица исправила ошибку Бордоскаго президента и санкціонировала своимъ авторитетомъ традиціонную парламентскую догму.

Таковы были условія, вызвавшія среди французскихъ парламентаріевъ сочувственный интересъ къ Наказу Императрицы Екатерины II. Политическія обстоятельства французской жизни превратили этотъ первоначально доктринальный интересъ въ практическое стремленіе использовать авторитетъ русской Государыни для цѣлей политической пропаганды.

Французскій текстъ Наказа былъ впервые изданъ въ

1769 году. Годъ этотъ ознаменованъ въ жизни французскихъ парламентовъ взрывомъ ожесточенной борьбы съ правительствомъ. Борьба эта окончилась полнымъ пораженіемъ: по представленію канцлера Мопу историческіе парламенты были упразднены въ 1771 году, и взамѣнъ ихъ учреждены были новые парламенты, лишенные прежняго политическаго значенія [1]). Старые парламентаріи очутились въ ссылкѣ; ихъ наслѣдственныя должности были у нихъ конфискованы. Насиліе не въ состояніи было однако принудить магистратовъ къ молчанію. Безсильные воспротивиться „революціи Мопу", они выступили противъ нея со смѣлымъ и рѣзкимъ словомъ осужденія. Трудами ихъ создалась цѣлая литература, отстаивавшая историческія права парламента и обвинявшая канцлера въ преступномъ нарушеніи основныхъ законовъ страны. Два произведенія этой литературы воспользовались для аргументаціи выставленныхъ парламентаріями публичноправовыхъ положеній Наказомъ Императрицы Екатерины II. Это—двухтомный трактатъ Maximes du droit public françois 1772 года, и относящаяся къ тому же времени боевая брошюра подъ заглавіемъ: Le Parlement justifié par l'Impératrice de Russie; названная брошюра вошла въ изданный въ 1775 году сборникъ памфлетовъ, направленныхъ противъ „революціи Мопу" [2]).

Чтобы дать фактическій отвѣтъ на вопросъ о судьбѣ Наказа Императрицы Екатерины II во Франціи, мы познакомимъ читателей съ соотвѣтственными мѣстами названныхъ произведеній, при чемъ начнемъ со второго изъ нихъ, какъ болѣе ранняго по времени (помѣченнаго числомъ 15 іюля 1771 года) и спеціально занятаго Наказомъ.

Какъ видно изъ самаго заглавія брошюры: Le Parlement justifié par l'Impératrice de Russie, авторъ ея весьма дорожитъ тѣмъ обстоятельствомъ, что оказалось возможнымъ привести

---

[1]) См. Jules Flammermont, Le chancelier Maupeou et les parlements, 2-me édition, Paris, 1885.

[2]) Maupeouana, ou Recueil complet des écrits patriotiques publiés pendant le règne du Chancelier Maupeou, pour démontrer l'absurdité du despotisme qu'il vouloit établir, et pour maintenir dans toute sa splendeur la Monarchie Française, tome I, Paris. 1775, pag. 84—129.

въ пользу парламентскихъ притязаній авторитетъ русской Государыни. Для автора имѣетъ значеніе въ данномъ случаѣ не внѣшнее обаяніе царственнаго имени неожиданнаго союзника, а несомнѣнное по занимаемому положенію безпристрастіе послѣдняго въ дѣлѣ признанія необходимости ограниченія монархической власти началомъ законности. „Мудрость магистратовъ“,—говоритъ авторъ,—„всегда избѣгала разсужденія о правахъ государя и націи въ ихъ взаимоотношеніи. Она желала предупредить недовѣріе и броженіе и потому запрещала касаться дерзкою рукой священныхъ предѣловъ, которые отдѣляютъ монархію отъ деспотизма, и снимать религіозное покрывало, которое ихъ окутываетъ. Что за легкомысліе, въ самомъ дѣлѣ, заставлять простой народъ закидывать любопытный взглядъ на эту демаркаціонную линію, столь трудную во всякомъ случаѣ для проведенія!“ (*Maximeana*, I, 85). Грань, отдѣляющая монархію отъ деспотіи, установилась во Франціи въ силу безмолвной коллективной традиціи государственной жизни страны. Когда объ этой грани начинаютъ разсуждать частныя лица, то всегда возникаетъ опасеніе, что они могутъ выйти изъ надлежащихъ предѣловъ: одни станутъ угодничать предъ государями и распространять ихъ власть не въ мѣру; другіе примутся льстить прирожденной всѣмъ людямъ любви къ независимости. Кто же будетъ безпристрастнымъ судьей, способнымъ разрѣшить данный вопросъ,—спрашиваетъ авторъ и немедленно отвѣчаетъ: „Если есть судья, который заслуживалъ бы общественнаго довѣрія въ подобномъ дѣлѣ, то это навѣрное—августѣйшая Государыня, которая, унаслѣдовавъ власть деспотическую, возвращаетъ своимъ подданнымъ свободу, нѣкогда у нихъ похищенную, и намѣчаетъ планъ мудраго правленія, помощью котораго желаетъ ихъ сдѣлать счастливыми“ (I, 86). Увѣреніе въ томъ, что истинные принципы законномѣрной монархіи даны въ произведеніи русской Императрицы, могло вызвать въ читателяхъ недоумѣніе и сомнѣніе. Въ виду этого авторъ предусмотрительно напоминаетъ читателямъ, что г. канцлеръ замѣтилъ, насколько принципы Наказа противорѣчатъ его политикѣ, и потому запретилъ ввозъ его во Францію (I, 86).

Враждебное отношеніе со стороны ненавистнаго Мопу само по себѣ уже являлось лучшей рекомендаціей Наказа въ глазахъ парламентаріевъ и сочувствовавшихъ имъ круговъ французскаго общества.

Послѣ предварительныхъ замѣчаній авторъ обращается къ анализу соотвѣтственныхъ мѣстъ Наказа по Амстердамскому изданію его французскаго текста (I, 87), вышедшему въ свѣтъ въ началѣ 1771 года и совпадающему съ французскимъ текстомъ четырехъ-язычнаго изданія 1770 года. При этомъ авторъ сначала приводитъ извлеченіе изъ весьма сочувственной статьи по поводу Амстердамскаго изданія Наказа, помѣщенной въ мартовской книжкѣ Journal Encyclopédique за 1771 годъ (I, 87—95), а затѣмъ переходитъ къ собственнымъ разсужденіямъ. Послѣднія ведутся то въ видѣ возраженій противъ политики канцлера и написанныхъ въ оправданіе ея памфлетовъ, то въ видѣ догматическаго изложенія положительныхъ юридическихъ основъ французской монархіи. Въ томъ и въ другомъ случаѣ одинаково Наказъ остается въ центрѣ разсужденій автора: возраженія противъ Мопу извлекаются изъ публичноправовыхъ посылокъ Наказа, и французскій государственный строй подводится подъ принципы закономѣрной монархіи, установленные въ Наказѣ. Намъ нѣтъ никакой надобности подробно слѣдить за ходомъ изложенія автора. Для нашей цѣли вполнѣ достаточно ограничиться выясненіемъ пониманія и толкованія французскимъ авторомъ основныхъ политикоправовыхъ принциповъ Наказа.

Въ Наказѣ Императрицы Екатерины II авторъ находитъ конститутивные принципы (les principes constitutifs) монархіи (I, 111), отличающіе ее отъ деспотіи. Какъ и слѣдовало ожидать, принципы эти усматриваются авторомъ въ положеніяхъ III и IV главъ Наказа „о безопасности постановленій государственныхъ“ (de la sûreté de la Constitution de l'Etat). Приведя дословно статьи 18—21, 22—23 и 28—30, авторъ переходитъ къ разсужденію о необходимости длинноть и формальностей юридическаго производства (des longueurs et des formalités de la Jurisprudence) для обезпеченія въ свободномъ государствѣ имущества и личности гражданъ. „Госпо-

динъ Монтескье высказалъ это, и Екатерина II убѣдилась въ очевидности этой истины",—говоритъ авторъ (I, 91) и вслѣдъ за тѣмъ цитируетъ in extenso статьи 114—115, 125 и 141 Наказа изъ главы „о производствѣ суда вообще". На первый взглядъ кажется совершенно непонятнымъ, какая можетъ быть связь между „властями средними" и „хранилищемъ" законовъ, съ одной стороны, и „юридическимъ формализмомъ судебнаго производства",—съ другой. Но ближайшее знакомство съ французской практикой „храненія законовъ" покажетъ намъ, что такая связь дѣйствительно существовала, и авторъ имѣлъ полное основаніе вести свое разсужденіе въ порядкѣ этой связи. „Охрана законовъ" конкретно проявлялась въ парламентской регистраціи всѣхъ новыхъ законодательныхъ актовъ короля. Регистрація совершалась въ обычныхъ формахъ судебнаго производства: королевскій указъ свободно обсуждался въ коллегіи, и затѣмъ ставился на голосованіе вопросъ о законномѣрности новаго законодательнаго акта; только въ случаѣ благопріятнаго исхода этого голосованія постановлялся приговоръ о занесеніи новаго закона въ парламентскіе регистры; съ момента постановленной такимъ образомъ регистраціи новый законъ вступалъ въ силу и подлежалъ исполненію. Противники свободной парламентской регистраціи возставали противъ указанныхъ формъ производства и требовали, чтобы парламентъ регистровалъ законы немедленно, безмолвно и безпрекословно. Въ свободномъ обсужденіи закона, голосованіи и постановленіи особаго приговора они видѣли только никому не нужную, пустую формальность и совершенно излишнюю волокиту. Имѣя въ виду этого рода нападки на парламентскую регистрацію, авторъ излагаемой нами статьи и заговорилъ объ общемъ значеніи „длинноть и формальностей юридическаго производства". Вполнѣ очевидно, что авторъ выразилъ этимъ слѣдующую мысль: какъ въ процессѣ юридическія формы производства служатъ гарантіей для свободы и имущества подсудимаго, точно такъ же и при регистраціи тѣ же формы служатъ гарантіей законномѣрности новаго законодательнаго акта, т. е. въ конечномъ итогѣ являются обезпеченіемъ свободы и

имущества гражданина, этихъ устоевъ законом'Ьрной монархіи.

Приведя указанныя статьи Наказа въ подлинник'Ь, авторъ зат'Ьмъ вторично передаетъ ихъ въ установленномъ имъ самимъ контекст'Ь и съ собственными пояснительными вставками. Это новое изложеніе статей Наказа приводится имъ въ качеств'Ь ученія о природ'Ь монархическаго правленія (I, 92). Важно отм'Ьтить то обстоятельство, что при вторичной передач'Ь принциповъ Наказа авторъ вполн'Ь опред'Ьленно выдвигаетъ мысль о тождеств'Ь „посредствующихъ властей“ и „хранилища законовъ“. Онъ говоритъ: „Надобно, чтобы въ монархическомъ государств'Ь были посредствующія власти, зависящія отъ верховной. Чрезъ эти посредствующія власти, какъ по каналамъ, должна изливаться власть государева. Сл'Ьдствіемъ этого основного закона является то, что должно быть дозволено посредствующимъ властямъ д'Ьлать представленія, что такой-то указъ противенъ уложенію, что онъ вреденъ, теменъ, неприложимъ въ исполненіи“ (I, 92). Такое отождествленіе „посредствующихъ властей“ съ „хранилищемъ законовъ“ было признано въ парламентской публичноправовой догм'Ь. Въ полномъ согласіи съ послѣдней находится и заключительный выводъ автора объ основномъ законѣ монархіи первостепенной важности. Этотъ основной законъ состоитъ въ томъ, „чтобы хранители законовъ имѣли власть отказывать въ регистраціи закона, который противорѣчитъ законамъ, установленнымъ въ государствѣ“ (I, 92—93). Принципіальное значеніе отказа въ регистраціи получаетъ зат'Ьмъ бол'Ье подробное разъясненіе. „Такъ какъ законы сами по себ'Ь безмолвны, то необходимо существованіе корпораціи (un Corps), уполномоченной къ тому, чтобы заставлять ихъ говорить путемъ представленій государю о противорѣчіи его новаго указа первоначальнымъ законамъ (Lois primitives) [1]) государства. Если регистрація является уста-

[1]) Какъ „первоначальные“ квалифицируются въ парламентской публичноправовой догм'Ь основные законы французской монархіи. Объ этомъ см. наше изслѣдованіе: *Догматика положж. госуд. права во Франціи*, стр. 470 — 471, 580 – 588.

новленнымъ въ государствѣ законнымъ средствомъ для оповѣщенія гражданъ объ изданіи новаго закона, то священная функція хранителей закона (l'auguste fonction de dépositaires des Lois) объемлетъ собою и власть отказывать въ регистраціи всякаго волеизъявленія, противнаго законамъ. Иначе, если бы хранители законовъ послѣ перваго представленія предоставили такому волеизъявленію законное бытіе (l'existence légale), они сдѣлали бы законнымъ то, что является юридически ничтожнымъ (nul de plein droit). Императрица Россійская была права, когда сказала, что учрежденіе политической корпораціи, хранящей законы, предоставляетъ ей право отказывать въ регистраціи того, что противится установленному въ государствѣ строю" (I, 94). Здѣсь авторъ ссылается на ст. 30 Наказа, въ которой онъ встрѣтилъ столь привычный и столь краснорѣчивый для французскаго парламентарія терминъ,—le refus d'enregistrer. Замѣтимъ кстати, что терминъ этотъ переданъ въ русскомъ текстѣ слѣдующимъ образомъ: „отрицаніе то, чтобы вмѣстити противные государственному благочинію законы въ число прочихъ уже принятыхъ". Любопытно было бы знать, какой смыслъ придавали приведенной неуклюжей тирадѣ не знавшіе французскаго языка члены комиссіи и различныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыхъ читался Наказъ.

Находя въ Наказѣ обычную для парламентарія терминологію, авторъ излагаемой нами статьи воспринималъ политико-правовую доктрину Наказа въ полномъ согласіи съ парламентской публичноправовой догмой. Поэтому и власть отказывать въ регистраціи онъ простиралъ вплоть до пассивнаго сопротивленія неправомѣрнымъ актамъ королевской власти, т. е. до забастовки. При этомъ онъ вполнѣ bona fide былъ увѣренъ, что остается на почвѣ публичноправовыхъ принциповъ Наказа. „Замѣчу"—говоритъ авторъ,—„что парламенты, въ особенности Руанскій, очень хорошо доказали, что прекращеніе служебныхъ занятій (cessation de service) всегда практиковалось въ силу упрочившагося обычая какъ въ парламентахъ, такъ и въ Большомъ Совѣтѣ, и въ университетахъ, когда дѣло шло объ интересѣ этихъ учрежденій.

Учрежденія не легко отдѣлываются отъ обычая, который они нашли установившимся. Если даже предположить, что этотъ обычай былъ злоупотребленіемъ, то все-же его можно и должно было уничтожить не путемъ насилія и не мѣрами величайшей строгости, потому что, какъ говоритъ Императрица Россійская, надлежитъ законами то исправлять, что учреждено законами, и то перемѣнять обычаями, что обычаями введено" (I, 125).

Мысль о необходимости бережнаго отношенія къ обычаямъ имѣла большое значеніе въ публичноправовой догмѣ парламентовъ. Дѣло въ томъ, что вся такъ называемая конституція французской монархіи покоилась не на писанныхъ нормахъ закона, а на неписанной вѣковой традиціи, т. е. на обычаѣ. Публичноправовая традиція почиталась юридически неприкосновенной. Вслѣдствіе этого парламентская догма не только отрицала прямую отмѣну традиціи законодательнымъ путемъ, но и вообще относилась крайне скептически ко всякаго рода законамъ по вопросамъ государственнаго права. Законодательное вмѣшательство въ опредѣленіе политическаго строя французской монархіи разсматривалось какъ нарушеніе историческаго духа ея конституціи. Вотъ почему авторъ излагаемой нами статьи привелъ въ связи съ ученіемъ о природѣ монархическаго правленія и 57—60 статьи Наказа, въ которыхъ говорится о необходимости приспособлять законодательство къ „народному умствованію" (l'esprit de la Nation), подготовлять умы къ законодательнымъ перемѣнамъ и бережно относиться къ обычаямъ, допуская ихъ измѣненіе только путемъ обычаевъ же (I, 115—116). Въ приведенныхъ предписаніяхъ Наказа авторъ видѣлъ столь дорогое для него уваженіе къ публичноправовой традиціи и, основываясь на нихъ, рѣзко осуждалъ канцлера Мопу за то, что онъ круто и рѣзко порвалъ съ многовѣковой традиціей (I, 116). Не могла служить оправданіемъ политики канцлера ссылка на злоупотребленія, царившія въ дѣлѣ отправленія правосудія, и на намѣреніе правительства преобразовать судоустройство и судопроизводство путемъ изданія новаго уложенія. Вѣдь для составленія уложенія потребовалось бы содѣйствіе ста-

рыхъ парламентовъ, а не упраздненіе ихъ (I, 127—128). „Сравните“,—говоритъ авторъ,—„поведеніе канцлера съ поведеніемъ царицы. Эта августѣйшая Государыня собрала депутатовъ отъ всѣхъ городовъ своей обширной имперіи и сказала имъ: дѣти мои, взвѣсьте со мною интересы націи, сочинимте вмѣстѣ уложеніе, которое прочно установило бы общественное благоденствіе“ (I, 129). Созывъ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія разсматривается такимъ образомъ какъ осуществленіе требованія приспособлять законодательство къ „народному умствованію“.

Какъ видимъ, авторъ изложенной нами статьи использовалъ Наказъ для осужденія „революціи Моnу“ и включилъ его принципы въ число всномогательныхъ орудій парламентской публичноправовой догмы. Въ появившемся спустя годъ трактатѣ Maximes du droit public françois Наказъ приводится уже какъ нѣчто вполнѣ знакомое парламентаріямъ и хорошо ими усвоенное.

Въ Maximes du droit public françois (цитируемъ двухтомное изданіе 1772 г.) Наказъ Императрицы Екатерины II приводится дважды: среди общихъ разсужденій о нераціональности и вредѣ деспотизма и въ спеціальномъ ученіи о „храненіи законовъ“. Въ первомъ случаѣ дается обстоятельное изложеніе основныхъ положеній Наказа о законномѣрной монархіи, и подробно выясняется принципіальное отношеніе къ нимъ авторовъ коллективнаго труда французскихъ парламентаріевъ. Во второмъ случаѣ дѣлается лишь краткая ссылка на Наказъ, какъ на источникъ публичноправовой доктрины, воспринятый парламентской догмой вполнѣ, безъ оговорокъ. Пользуются авторы французскимъ текстомъ Наказа по петербургскому изданію Академіи Наукъ 1769 года. Этотъ текстъ нѣсколько разнится отъ признаваемаго наиболѣе исправнымъ французскаго текста въ четырехъ-язычномъ изданіи 1770 года, воспроизведеннаго въ современныхъ намъ изданіяхъ Л. Ф. Пантелѣева и Академіи Наукъ. Различіе это заключается, впрочемъ, въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, не имѣющихъ техническаго въ юридическомъ смыслѣ значенія. Столь важные для насъ публичноправовые термины и въ изданіи 1769 года тѣ же, что и въ позднѣйшемъ исправленномъ.

Разсуждая о нераціональности и вредѣ деспотизма, авторы Maximes du droit public françois имѣютъ въ виду преимущественно восточный деспотизмъ и изображаютъ гибельныя послѣдствія деспотическаго правленія на историческихъ примѣрахъ азіатскихъ государствъ. Въ этомъ отношеніи они слѣдуютъ Монтескье, который видѣлъ „природу“ и „основной законъ“ деспотическаго государства въ специфически-восточномъ институтѣ визиріата. Однако они не остаются въ безусловной зависимости отъ авторитета *Духа законовъ*: обобщаютъ установленное въ немъ понятіе деспотіи и находятъ этотъ образъ правленія и въ предѣлахъ Европы. „Азіатскіе владыки“,—говорятъ они,— „не единственные государи, власть которыхъ не имѣетъ границъ. Россійская имперія въ Европѣ вплоть до нашихъ дней была рабски подчинена всей строгости произвольнаго правленія“ (I, 121). Характеристика послѣдняго дается со словъ нѣмецкаго государствовѣда Бемера (Boehmer) и знаменитаго Гоббса (I, 121—123). Устройство и законы Московитской деспотіи не занимаютъ авторовъ ближайшимъ образомъ. Интересъ ихъ направленъ на превращеніе этой деспотіи въ монархію. „Всякій знаетъ, что творческій геній царя Петра даровалъ русской націи новое бытіе, разсѣявъ мракъ невѣжества и варварства свѣтомъ наукъ и искусствъ. Послѣ того какъ царь завелъ въ своей имперіи благочиніе (après avoir policé), ему, кажется, предстояло только преобразовать порочные принципы правленія, поставивъ на мѣсто деспотизма, пагубнаго для государства и часто гибельнаго для государя, монархію, упорядоченную и умѣренную прочными законами. Государыня, нынѣ царствующая въ этой обширной имперіи, восчувствовала наконецъ ту засвидѣтельствованную Тацитомъ истину, что безопасность государя уменьшается, когда его власть переходитъ за всякія границы... Эта Государыня готовитъ для своихъ народовъ счастливую революцію перемѣны правленія (l'heureuse révolution d'un changement de gouvernement). Она учредила комиссію для составленія уложенія постоянныхъ законовъ (Code de loix permanentes); въ солидномъ Наказѣ, даннымъ ею министрамъ, на которыхъ возложено это важное дѣло, она возвѣщаетъ, что

желаетъ царствовать только по законамъ, мудрость и устойчивость которыхъ обезпечивали бы счастье народовъ и преуспѣяніе Московитской имперіи“ (I, 123—125).

Послѣ такого вступленія авторы переходятъ къ изложенію публичноправовыхъ принциповъ Наказа.

Въ трехъ первыхъ статьяхъ Наказа авторы отмѣчаютъ христіанскій источникъ содержащагося въ немъ политико-правового ученія и совмѣщеніе въ послѣднемъ интересовъ государственнаго блага съ законной охраной личности гражданъ. Такое воззрѣніе на задачи правленія не мирится съ деспотизмомъ, но не препятствуетъ, по мнѣнію авторовъ, тому, чтобы власть монарха была самодержавной согласно статьѣ 9-ой Наказа (I, 125—126). „Государственная власть можетъ сосредоточиваться въ лицѣ монарха и быть даже абсолютной въ его рукахъ, безъ того, чтобы осуществленіе этой власти унижало подданныхъ и отнимало у нихъ существенныя права естественной свободы“ (I, 126). Въ подтвержденіе такой возможности авторы цитируютъ статьи 13—15 Наказа о „предлогѣ“, „намѣреніи“ и „концѣ“ самодержавнаго правленія.

Изложеніе конституціонныхъ основъ закономѣрной монархіи авторы находятъ въ III и IV главахъ Наказа и сводятъ ихъ къ двумъ основнымъ пунктамъ, каковы: 1) наличность прочныхъ и основныхъ законовъ; 2) учрежденіе посредствующихъ властей (I, 127). Статьи 18 и 20—30 Наказа приводятся in extenso (I, 127—128, 129—130). Авторы принимаютъ смыслъ указанныхъ статей въ строгомъ духѣ парламентской традиціи, какъ это видно изъ ихъ пояснительныхъ замѣчаній о регистраціи законовъ. „Произволъ исчезаетъ“,—говорятъ авторы,—„разъ есть прочные законы, разъ они заключены въ хранилище, и этимъ хранилищемъ является политическая корпорація, уполномоченная быть ихъ стражемъ. Такое учрежденіе регистрируетъ законы только послѣ предварительнаго ознакомленія съ ними: регистраціи предшествуетъ испытаніе и обсужденіе закона“ (I, 128). Ясно, что встрѣчающееся въ 24-ой статьѣ Наказа слово examiner было понято въ техническомъ смыслѣ термина парламентскаго про-

изводства. Отказъ въ регистраціи конструируется авторами какъ право на неповиновеніе власти въ случаѣ нарушенія ею основныхъ законовъ. „Если надобно“,—говорятъ авторы,—„чтобы законы опредѣляли, какимъ указамъ должно повиноваться [1]), то бываютъ, значитъ, обстоятельства, въ которыхъ законъ самъ допускаетъ отказъ въ повиновеніи. Какія же это могли бы быть обстоятельства, если не тѣ, когда предложенные для регистраціи законы противны уложенію о законахъ основныхъ [2]), вредны и неприложимы на практикѣ?“ (I, 128). Вполнѣ въ духѣ парламентской догмы требуютъ наши авторы выдержки и настойчивости при отказѣ въ регистраціи. „Не долженъ ли быть этотъ отказъ только преходящимъ, временнымъ, ограниченнымъ извѣстнымъ срокомъ или опредѣленнымъ числомъ заявленій,—однимъ, двумя или тремя? Или не долженъ ли онъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока государь не объявитъ своего послѣдняго рѣшенія, своей абсолютной воли? Наказъ Императрицы Екатерины прямо признаетъ отказъ въ регистраціи и не ставитъ ему ни одного изъ перечисленныхъ ограниченій“ (I, 130). Смыслъ приведеннаго мѣста уясняется лишь въ связи съ тѣми стѣсненіями, которыя въ разное время налагали французскіе короли на парламентское право регистраціи, а также въ связи съ обычной практикой послушныхъ указовъ (lettres de jussion) и такъ назыв. lits de justice.. Молчаніе Наказа обо всѣхъ этихъ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ истолковано было авторами въ смыслѣ полной солидарности Императрицы Екатерины II съ парламентской догмой, которая въ XVIII столѣтіи дошла до рѣшительнаго отрицанія права короля на полновластное воздѣйствіе въ дѣлѣ регистраціи законовъ [3]). Русская Государыня, по мнѣнію авторовъ, не только не признаетъ никакихъ ограниченій права регистраціи, но, „напро-

---

[1]) S'il faut que les loix déterminent à quels ordres on doit obéir.... Слова, отмѣченныя курсивомъ, взяты изъ ст. 21-ой Наказа.

[2]) Code des loix fondamentales,—говорятъ авторы—вмѣсто Code des loix, какъ сказано въ статьѣ 21-ой Наказа.

[3]) См. наше изслѣдованіе: *Догматика полож. госуд. права во Франціи*, стр. 412—422, 456—459.

тивъ того, предполагаетъ, что отказъ въ регистраціи окажется упорнымъ и долженъ будетъ быть таковымъ, покуда новые законы будутъ посягать на установленный въ государствѣ древній порядокъ" (I, 130—131) [1]). Авторы не только навязываютъ Императрицѣ Екатеринѣ II солидарность съ парламентскимъ ученіемъ о правѣ пассивнаго сопротивленія произволу монарха, но и приписываютъ ей тѣ же мысли по отношенію къ Сенату, который, согласно статьѣ 26-ой Наказа, является въ Россіи хранилищемъ законовъ. „Могла ли въ самомъ дѣлѣ Императрица думать, что Сенатъ долженъ изъ преклоненія предъ государемъ измѣнять своей должности, закрывать глаза на достоинство законовъ и изъ ложной угодливости содѣйствовать отверженію уложенія, ниспроверженію монархіи, уничтоженію свободы и законныхъ правъ гражданъ? Изъ низости дать свое согласіе на законы, которые низвергли бы престолъ или, по меньшей мѣрѣ, склонились бы къ уничиженію Московитской имперіи, къ отнятію у нея ея благоденствія чрезъ ослабленіе устоевъ ея монархической конституціи,—развѣ все это не было бы измѣной самому государю? Какимъ образомъ хранилище законовъ могло бы защитить народъ отъ прихоти и произвола власти [2]), если-бы функціи его были сведены къ однимъ лишь представленіямъ о новыхъ законахъ, вредныхъ для гражданъ, и если-бы Сенатъ изъ уваженія къ авторитету монарха долженъ былъ присоединять такіе законы къ уложенію, послѣ того какъ государь, прочтя и взвѣсивъ мотивы представленій, повелѣлъ бы регистровать законъ? Нельзя себѣ представить, чтобы должность Сената, который является стражемъ законовъ и корпораціей, служащей хранилищемъ посредствующихъ властей, ограничивалась нѣсколькими представленіями и чтобы ему было запрещено отказать въ реги-

---

[1]) L'ordre ancien établi dans l'État отождествлялся съ первоначальными или, что то же, съ основными законами. См. наше изслѣдованіе: *Догматика положит. госуд. права во Франціи*, стр. 470.

[2]) Comment d'ailleurs cette institution mettroit-elle le peuple à l'abri des caprices et de la cupidité.... подчеркнутыя курсивомъ слова взяты изъ ст. 29-ой Наказа.

страціи и упорствовать въ этомъ отказѣ, когда законы пагубны и неприложимы, когда они посягаютъ на установленный въ государствѣ строй, на національныя права, на законную свободу гражданъ. Если бы это было такъ, то положеніе о томъ, что народъ получаетъ защиту отъ прихоти и произвола власти, перестало бы быть истиннымъ; мудрое учрежденіе, которое подвергаетъ законы просвѣщенному испытанію и ставитъ въ зависимость отъ послѣдняго ихъ обнародованіе и включеніе ихъ послѣ зрѣлаго обсужденія въ уложеніе, не могло бы болѣе обезпечивать народъ отъ власти произвольной" (I, 131—132).

Установивъ такимъ образомъ полное согласіе ученія Императрицы Екатерины II о посредствующихъ властяхъ и храненіи законовъ съ парламентской догмой, авторы завершаютъ изложеніе теоріи закономѣрной монархіи по Наказу приведеніемъ 33, 34, 37, 63, 66, 101, 113 и 114-ой статей послѣдняго, въ которыхъ идетъ рѣчь объ обезпеченіи личной свободы и неприкосновенности имущества гражданъ. Помѣщеніе указанныхъ статей въ такомъ контекстѣ (I, 132—133) не случайно. Оно съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ парламентской конструкціи закономѣрной монархіи. „Два основныхъ признака",—говорятъ авторы,—„характеризуютъ государство чисто монархическое: 1) то, что государственная власть осуществляется въ немъ по нормамъ справедливости, а не по произволу; 2) то, что подданные свободны, а не—рабы. Первый признакъ требуетъ, чтобы въ монархическомъ государствѣ имѣлись прочные законы и, слѣдовательно, хранилище законовъ.... Второй признакъ не менѣе постояненъ и не менѣе существенъ. Рабъ не господинъ своего имущества и своей личности, потому что для него нѣтъ никакого другого правила, никакого другого закона, кромѣ произвольнаго желанія деспотическаго монарха.... Подъ владычествомъ монарха, который не является деспотомъ, свобода личности и неприкосновенность собственности составляютъ существенные и непогашаемые давностью аттрибуты подданныхъ" (I, 149—151). Авторы подчеркиваютъ, что Россійская Императрица одинаково признаетъ и тотъ, и другой характер-

ный признакъ, т. е. оба конститутивныхъ принципа законо-мѣрной монархіи (см. I, 149—150, 132).

Выше мы указали, что въ Maximes du droit public françois Наказъ Императрицы Екатерины II приводится дважды: среди общихъ разсужденій о нераціональности и вредѣ деспотизма и въ спеціальномъ ученіи о „храненіи законовъ". Въ первомъ случаѣ, съ которымъ мы только-что ознакомились, дается полное изложеніе и исчерпывающее толкованіе ученія Наказа о законо-мѣрной монархіи. Во второмъ случаѣ, къ которому мы теперь переходимъ, дѣлается лишь общая бланкетная ссылка на Наказъ, которая, несмотря на всю свою краткость, весьма знаменательна, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Пятая глава Maximes du droit public françois, посвященная ученію о храненіи законовъ въ верховныхъ судахъ (Cours souveraines), открывается слѣдующимъ разсужденіемъ. „Такъ какъ монархія не можетъ существовать безъ законовъ, то надобно, чтобы законы были извѣстны, чтобы можно было въ нуждѣ прибѣгать къ нимъ и чтобы они были помѣщены въ вѣрномъ хранилищѣ, гдѣ легко было бы справляться въ нихъ. Такое хранилище *(мы узнали объ этомъ отъ Россійской Императрицы)* можетъ быть только въ политическихъ корпораціяхъ, являющихся посредствующими каналами, по которымъ изливается власть государева. Когда государь издаетъ новый законъ, существенно необходимо, чтобы эти корпораціи его испытали (examinent) и чтобы, въ случаѣ противности новаго закона уложенію, его вреда, темноты и неприложимости въ исполненіи, онѣ имѣли право дѣлать соотвѣтственныя представленія и даже отказывать въ регистраціи, особенно если новый законъ противенъ установленному въ государствѣ строю" (II, 1—2).

Такимъ образомъ, ученіе Наказа о „властяхъ среднихъ", или „малыхъ протокахъ", долженствующихъ служить „хранилищемъ законовъ", принимается за исходное положеніе для юридической конструкціи законоохранительныхъ функцій французскихъ парламентовъ. Авторы ссылаются въ данномъ отношеніи на произведеніе Россійской Императрицы, какъ на

первоисточникъ. Такого рода ссылка странно звучитъ въ устахъ авторовъ, которые въ другомъ мѣстѣ прямо заявили, что принципъ прочности и храненія законовъ въ монархіи выставленъ былъ авторомъ *Духа законовъ* раньше, чѣмъ Императрицей Екатериной II [1]). Противорѣчіе, замѣчаемое при сопоставленіи двухъ указанныхъ мѣстъ, объясняется не недосмотромъ со стороны авторовъ, а своеобразнымъ пріемомъ ихъ въ пользованіи литературными источниками для собственныхъ цѣлей. Какъ мы уже знаемъ, Монтескье различалъ „посредствующія власти“ и „хранилище законовъ“, какъ два самостоятельныхъ института, между тѣмъ какъ парламентская догма отождествляла ихъ другъ съ другомъ и сливала въ одинъ институтъ. Въ виду этого парламентаріи могли ссылаться на главу *Духа законовъ* „о законахъ въ ихъ отношеніи къ природѣ монархическаго правленія“ въ подтвержденіе своихъ конструкцій не иначе, какъ только дѣлая въ ней урѣзки и пропуски по существу. Такъ наши авторы и поступали. Указавъ на первенство автора *Духа законовъ* передъ Россійской Императрицей въ дѣлѣ установленія принципа прочности и храненія законовъ въ монархіи, они цитировали Монтескье слѣдующимъ образомъ. „Власти посредствующія (les pouvoirs intermédiaires), подчиненныя и зависимыя, образуютъ природу правленія монархическаго, т. е. такого, гдѣ правитъ одно лицо посредствомъ основныхъ законовъ.... Недостаточно, чтобы въ монархіи были посредствующія состоянія (des rangs intermédiaires); надобно еще хранилище законовъ. Хранилище это можетъ быть только въ политическихъ корпораціяхъ, которыя возвѣщаютъ о законахъ, когда они изданы, и напоминаютъ о нихъ, когда ихъ забываютъ“ (I, 150). Промежуточное многоточіе въ приведенной цитатѣ скрываетъ отъ глазъ читателя не какія либо второстепенныя

[1]) Tome I, pag. 149: Deux caractères principaux constituent l'Etat purement Monarchique. 1°. La puissance publique y est exercée par justice, et non à discrétion. 2°. Les Sujets sont libres, et ne sont pas esclaves.—Le premier caractère exige que, dans l'Empire Monarchique, il y ait des Loix fixes, et par conséquent un dépôt des loix. Nous avons vu l'Imperatrice de Russie rendre hommage à la certitude de ce principe: l'Auteur de l'esprit des Loix l'avoit établi avant cette Princesse.

фразы подлинника, обычно выпускаемыя въ видахъ сокращенія текста, а самую сущность содержанія, не подходящую для цѣлей цитирующаго. Въ самомъ дѣлѣ авторы Maximes du droit public françois выкинули ни болѣе, ни менѣе какъ все ученіе Монтескье о посредствующей функціи дворянства и церкви, т. е. все ученіе о посредствующихъ властяхъ. Цѣль подобной урѣзки очевидна. Она заключалась въ томъ, чтобы внушить читателю мысль, будто Монтескье признавалъ посредствующими властями политическія корпораціи, призванныя служить хранилищемъ законовъ. Достиженіе этой цѣли облегчалось тѣмъ, что посредствующія власти, которымъ Монтескье противопоставлялъ хранилище законовъ, названы во второй части цитаты посредствующими состояніями. При чтеніи полнаго текста подлинника не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что здѣсь перемѣнено только названіе, но что по существу рѣчь идетъ о тѣхъ же посредствующихъ властяхъ. При пропускѣ же существенныхъ мѣстъ подлинника, сдѣланномъ парламентаріями, читателю легко сдѣлать выводъ, будто Монтескье различаетъ посредствующія власти и посредствующія состоянія, отождествляетъ хранилище законовъ съ первыми и противопоставляетъ его только вторымъ [1]). Парламентаріямъ приходилось, какъ видимъ, спеціально, такъ сказать, препарировать ученіе Монтескье о законом'ѣрной монархіи для того, чтобы имѣть возможность использовать его въ качествѣ прямого подтвержденія парламентской догмы. Само собою разумѣется, что авторы вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что они дѣлали. Понятно также, что, хотя они одинъ разъ и допустили подобное приспособленіе соотвѣтственнаго мѣста *Духа законовъ* для своихъ цѣлей, все-же не захотѣли это сдѣлать во второй разъ. Вотъ почему въ спеціальномъ ученіи о законоохранительныхъ функціяхъ парламентовъ они отправлялись не отъ *Духа законовъ*, а отъ

[1]) Такой выводъ вполнѣ совпадалъ съ той конструкціей, которую придавала сословному строю парламентская догма. Она считала сословія, въ особенности дворянство, необходимыми для монархіи, но не придавала имъ значенія посредствующихъ властей, удерживая послѣднее за парламентами. См. объ этомъ наше изслѣдованіе: *Догматика полож. госуд. права во Франціи*, стр. 429—430.

Наказа Императрицы Екатерины II, надъ которымъ не было надобности производить никакой литературно-хирургической операціи.

Въ своемъ мѣстѣ мы указали, что въ началѣ подробнаго изложенія публичноправовыхъ принциповъ Наказа въ главѣ второй Maximes du droit public françois авторы отмѣчаютъ христіанскій источникъ ученія Императрицы, приведенный въ первой же статьѣ ея произведенія. Теперь можемъ добавить, что оканчивается изложеніе Наказа тѣмъ же замѣчаніемъ авторовъ. „Мы видѣли“,—говорятъ они,—„что Россійская Императрица ищетъ въ религіи основной и конститутивный принципъ для просвѣщеннаго законодательства и мудраго, умѣреннаго правленія: *Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлати другъ другу добро, сколько возможно* (ст. 1-ая Наказа). Вотъ—истинная цѣль образованія общества и существенный конецъ, къ которому должна стремиться государственная власть“ (I, 134—135). Послѣднія слова служатъ для авторовъ естественнымъ переходомъ къ вопросу объ осужденіи деспотизма и оправданіи закономѣрной монархіи съ точки зрѣнія Священнаго Писанія. Замѣтимъ кстати, что обоснованіе закономѣрной монархіи на Священномъ Писаніи составляло одну изъ традицій парламентской публичноправовой догмы [1]) и сближало такимъ образомъ послѣднюю съ воззрѣніями Императрицы Екатерины II.

Мы изложили и по мѣрѣ умѣнія объяснили фактъ рецепціи Наказа во французской публично-правовой литературѣ, порожденной „революціей Моnу“. Этимъ исчерпывается тема настоящей статьи. Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать одно соображеніе относительно самаго Наказа, на которое наводитъ насъ отношеніе къ нему французскихъ парламентаріевъ. Соображеніе это касается одного изъ пунктовъ вопроса о заимствованіяхъ въ Наказѣ изъ *Духа законовъ*.

Всякому, кто изучалъ параллельно Наказъ и *Духъ законовъ*, бросается въ глаза, что Императрица Екатерина II игно-

---

[1]) См. наше изслѣдованіе: *Догматика полож. госуд. права во Франціи*, стр. 599.

рируетъ категорическое положеніе Монтескье, согласно которому монархическое государство должно быть средней величины, а обширная имперія предполагаетъ въ ея государѣ власть деспотическую. Въ Наказѣ „природа“ монархическаго государства прилагается къ обширной Россійской имперіи, при чемъ принципы закономѣрнаго правленія сочетаются съ такимъ оправданіемъ абсолютной власти государя, которое признается у Монтескье однимъ изъ „отличительныхъ свойствъ деспотическаго правленія“ (ст. 10-ая и глава IV Наказа). Спрашивается, какимъ образомъ Императрица Екатерина II рѣшилась нарушить и смѣшать тезисы своего „молитвенника“? Развѣ она могла найти въ немъ же основаніе для подобнаго отступленія отъ прямыхъ его указаній? Въ спеціальной статьѣ, посвященной изслѣдованію политической доктрины въ Наказѣ Императрицы Екатерины II, мы отвѣтили на послѣдній вопросъ утвердительно [1]). Мы показали, что у самого Монтескье настолько крѣпка была вѣра въ могущество просвѣщеннаго законодателя, что онъ вполнѣ допускалъ возможность нейтрализаціи „власти климата“ при помощи разумныхъ законовъ. То, что допустимо по отношенію къ „власти климата“, этой, по собственному признанію Монтескье, сильнѣйшей изъ всѣхъ властей, вполнѣ допустимо и по отношенію къ „власти территоріи“, не надѣленной такой интенсивностью. Значитъ, Императрица Екатерина II, распространяя раціональныя начала монархическаго устройства на свою обширную имперію, отступала, въ сущности говоря, отъ буквы, но не отъ духа ученія Монтескье. Вдохновленная своимъ „молитвенникомъ“, она имѣла основаніе думать, что правильныя учрежденія парализуютъ „власть территоріи“, тѣмъ болѣе, что сильнѣйшая изъ всѣхъ „власть климата“ была въ пользу Россійской имперіи. Вѣдь самъ Монтескье объяснялъ легкость, съ которой Петръ Великій завелъ въ русскомъ народѣ благочиніе, тѣмъ обстоятельствомъ, что „тогдашніе (т. е. дореформенные) нравы были чужды климату страны и были

---

[1]) См. *Сборникъ статей по исторіи права, посвящ. М. Ф. Владимірскому-Буданову*, стр. 73—75.

нѣкогда занесены въ нее смѣшеніемъ народовъ и завоеваніями“ (*Духъ законовъ*, кн. XIX, гл. 14, абз. 6; Наказъ, ст. 7). Ясно, что природный русскій климатъ—это климатъ европейскій, и „Россія есть европейская держава“ (ст. 6-ая Наказа). Слѣдовательно, правильно заключала Императрица Екатерина II, къ Россіи вполнѣ приложимы европейскіе принципы законномѣрной монархіи.

Къ указанному выводу мы пришли путемъ анализа Наказа и его первоисточника—*Духа законовъ*. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность подкрѣпить нашъ прежній выводъ свидѣтельствомъ современниковъ Наказа, французовъ по происхожденію и юристовъ по профессіи. Ни авторъ статьи: Le parlement justifié par l'impératrice de Russie, ни авторы коллективнаго труда: Maximes du droit public françois не уличаютъ Императрицы Екатерины II въ произвольномъ смѣшеніи „природы“ монархіи съ „природой“ деспотіи и не сомнѣваются въ томъ, что публичноправовые принципы законномѣрной монархіи вполнѣ приложимы къ обширной Россійской имперіи.

Отмѣтимъ, наконецъ, что въ обоихъ изложенныхъ нами произведеніяхъ французскихъ парламентаріевъ значеніе преобразовательной дѣятельности Петра Великаго сводится къ улучшенію нравовъ и насажденію благочинія въ странѣ, а установленіе законномѣрнаго монархическаго правленія приписывается Императрицѣ Екатеринѣ II. Авторы оставили безъ вниманія заявленіе Наказа (ст. 99) о томъ, что тѣ „трибуналы“, которые призваны быть въ Россіи „посредствующими властями“ и „хранилищемъ законовъ“, „премудро учредилъ“ Петръ Великій.

СПЗ

дованіи по финляндскому праву. **Ѳ. М. Книповича.**—Полиція. **Г. Аншютца.**—Сущность международнаго права и его система. **А. М. Горовцева.**

Изъ практики Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. *К. П. Змирлова.*—Объ оставленіи имѣнія залогодержателемъ за собою послѣ несостоявшагося торга въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. *С. Завадскаго.*—Допросъ судебнаго слѣдователя о сознаніи обвиняемаго. *П. С. Пороховщикова.*—Значеніе досрочнаго освобожденія для рецидива. *А. В. Скопинскаго.*—Иностранные товары безъ пломбъ. *А. В. Скопинскаго.*—Изъ практики Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената. *А. В. Скопинскаго.*—„Однѣ руки" по статьѣ 56 закона 14 іюня 1910 года. *В. Вощинина.*—Сенаторъ Владиславъ Ромуловичъ Завадскій. *Г. П. Монастырскаго.*—О взаимоотношеніи ст. 1297 уст. гражд. суд. и ст. 72, 78 и 112 уст. жел. дор. *С. Завадскаго.*—Примѣненіе 1 ч. 860 ст. улож. о нак. по аналогіи. *П. Ананьева.*—По поводу примѣненія 3-ей части 373 ст. улож. о нак. *П. А. Ифланда.*—Отдача имѣній малолѣтнихъ въ аренду. *А. Л. Омелянскаго.*—О правѣ залогодержателя не-взыскателя на оставленіе за собою имѣнія при несостоявшемся публичномъ торгѣ. *В. Медвѣдева.*—Приводъ къ присягѣ членовъ военно-судебныхъ учрежденій изъ магометанъ. *М. Тыртова.*—По поводу закона 7 іюня 1909 года о порядкѣ сношенія суда съ тяжущимися черезъ почту. *М. А. Грановскаго.*—Забытый указъ. *В. Н. Свидерскаго.*—Разсмотрѣнію какого учрежденія—судебной палаты или окружнаго суда—подлежатъ заключенія прокурорскаго надзора о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію прокурорскаго надзора, дѣлу долженъ быть данъ ходъ въ порядкѣ частнаго обвиненія въ преступленіи, подвѣдомственномъ окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей? *В. Н. Сомова.*—Брачный обманъ. *И. Черкасскаго.*—Дѣйствующій порядокъ гражданскаго судопроизводства по дѣламъ казеннаго управленія. *П. П. Короновскаго.*—По поводу закона 2 марта 1910 года объ оглашеніи передъ присяжными засѣдателями грозящаго подсудимому наказанія. *М. Васютинскаго.*—Объ упрощенномъ порядкѣ разсмотрѣнія въ окружныхъ судахъ дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. *С. П. Руднева.*—О публичныхъ собраніяхъ. *А. Скопинскаго.*—Новый взглядъ Правительствующаго Сената относительно допроса судебнаго слѣдователя о сознаніи подсудимаго. *Е. И. Лашкарева.*—Пререканіе между судебнымъ слѣдователемъ и прокурорскимъ надзоромъ. *И. Черкасскаго.*—По поводу одного распространительнаго толкованія ст. 133 улож. о нак. *П. А. Ифланда.*—Объ оплатѣ судебною пошлиной прошенія о присоединеніи къ апелляціи. *А. Гедда.*—Тяжкія увѣчья въ законѣ и въ жизни. *П. А. Ифланда.*—Объ отвѣтственности редакторовъ. *А. В. Скопинскаго.*—Замѣтки по желѣзнодорожнымъ преступленіямъ. *Н. Тераевича.*—Допустимо ли вступленіе третьихъ лицъ въ дѣла частнаго и охранительнаго порядка? *М. А. Грановскаго.*—Подлежитъ ли, въ виду 709 ст. уст. угол. суд., допросу, въ качествѣ свидѣтеля на судѣ, товарищъ прокурора окружнаго суда, наблюдавшій за производствомъ жандармскимъ офицеромъ дознанія въ порядкѣ 1535 ст. того же устава? *Н. К. Змирлова.*

Н. Д. Сергѣевскій, какъ ученый и профессоръ. *С. В.*—Семенъ Викентьевичъ Пахманъ (некрологъ). *А. Гольмстена.*—Замѣчанія на проектъ объ упраздненіи сельскохозяйственныхъ сервитутовъ въ губерніяхъ Западныхъ и Бѣлорусскихъ. *М. И. Дуанова.*—Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній

по вопросу о морскихъ національныхъ флагахъ. *Ю. В. Арсеньева.*—Новая теорія государственнаго права. *А. Ященко.*—Заслуги Ѳ. И. Леонтовича въ изученіи обычнаго права русскихъ инородцевъ. *С. Аваліани.*

Кассаціонная практика. Положенія, извлеченныя изъ опредѣленій Общаго Собранія Кассаціонныхъ и съ участіемъ Перваго и Второго Департаментовъ Правительствующаго Сената за 1910 и 1911 годъ. Составилъ *А. Д. Савченко-Маценко.*—Положенія, извлеченныя изъ опредѣленій Соединеннаго Присутствія Перваго и Уголовнаго Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената за 1909 годъ. По надзору за судебными установленіями. Составилъ *Я. Я. Лихачевъ.*—Вопросы, разрѣшенные Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1910 году. Составилъ *Р. О. Гоувальтъ.*—Вопросы, разрѣшенные Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1911 году. Составилъ *И. Ф. Ставровичъ.*

Обзоръ иностраннаго законодательства.—Письма изъ Англіи. *Сесиль Мидъ Аллена.*—**Письма изъ Парижа.** *А. Бертелеми.*—**Литературное обозрѣніе.—Изъ иностранныхъ журналовъ.** *Ф. Ельяшевичъ.*—**Библіографія.** Указатель юридической литературы.—**Извѣщенія.—Объявленія.**

Приложеніе: Школа адвокатуры. *Р. Гарриса.* Переводъ съ англійскаго *П. Серпвича.*

Подписная **плата 8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями по 2 руб.

Должностныя лица, при подпискѣ **черезъ казначеевъ,** пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, **при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ,** пользуются **разсрочкою до 2 рублей** въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ,—при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—по **5 рублей въ годъ.**

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10%, за продажу отдѣльныхъ книгъ—25%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строчку, 8 рублей за страницу и 4 рубля за полстраницы; на 3-ьей страницѣ обложкѣ 30 руб. за страницу, 15 руб. за полстраницы.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ѳ. Дерюжинскій.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00044007118